

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH18139-49>

Тахнаева Патимат Ибрагимовна
к.и.н., старший научный сотрудник
Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
ptakhnaeva@gmail.com

О ПЕРЕЗАХОРОНЕНИИ ИМАМА ГАЗИМУХАММАДА: РЕКОНСТРУКЦИЯ СОБЫТИЙ (1832-1843 гг.)

Аннотация: В настоящей статье представлено микроисследование по реконструкции истории захоронения (1832 г.) и перезахоронения (1843 гг.) имама Газимухаммада (1795–1832). Исследование выполнено по известным местным и русским источникам, а также новым, малоизвестным источникам, с привлечением краеведческого материала и фольклора. Реконструкция истории перезахоронения имама (1832–1843 гг.) позволяет ответить на актуальный в связи с перезахоронением (2019 г.) наиба Хаджи-Мурата вопрос о прецедентах и допустимости перезахоронений мусульман, в частности – в имамате. Подвергается критическому пересмотру утвердившийся среди местных авторов ряд предположений, связанных с захоронением имама: о том, что имам Газимухаммад был перенесен из сел. Гимры для предания земле в г. Тарки (укр. Бурная) по настоянию Саида Араканского (во избежание почитания его могилы); о том, что тело покойного, прежде чем его предали земле, было предано глумлению, неким образом препарировано (засолено и засушено); о том, что после захоронения признаки могилы имама были сознательно стерты и ее местонахождение оставалось неизвестным, но охранялось солдатами. Местные авторы называют разных людей, проявивших инициативу перезахоронения тела имама Газимухаммада в 1843 г., но все источники единодушны в утверждении – перезахоронение происходило под контролем имама Шамиля и по его приказанию. Выявлен автор известного изображения полубнаженного тела погибшего имама, выполненного с натуры участником штурма сел. Гимры П.А. Бестужевым-Рюминым. Подвергается серьезному сомнению, что автор выполнил изображение настоящего имама, а не подставного тела. Не выдерживает критики запечатленная автором поза убитого имама («одною рукою держался за бороду, а другою указывал на небо»), которая в русских источниках представлялась сакральной для мусульман и не избежала конспирологической трактовки. Удалось определить жителя сел. Кяхулай «Хаджжи Атак б. Гирайхан ал-Кахулий», Асадулу Герейханова (1872 г.р.), который установил на месте бывшей могилы имама Газимухаммада памятник.

Ключевые слова: Кавказская война; имам Газимухаммад; сел. Гимры; захоронение имама; имамат; имам Шамиль; сел. Тарки; кенотаф; мавзолей имама Газимухаммада.

DOI: <https://doi.org/10.32653/CH18139-49>

Patimat I. Takhnaeva
Cand. Sci. (History), Senior Researcher
Institute of Oriental Studies of RAS, Moscow, Russia
ptakhnaeva@gmail.ru

THE REBURIAL OF IMAM GAZIMUHAMMAD: RECONSTRUCTION OF EVENTS (1832-1843)

Abstract. The article presents a microstudy on reconstruction of the history of the burial (1832) and reburial (1843) of Imam Gazimuhhammad (1795-1832). The study is based on known local and Russian sources, as well as new little-known sources, with the introduction of local-history material and folklore. Reconstruction of the history of the reburial of the Imam (1832-1843) allows to address a relevant question in connection with the reburial (2019) of Naib Hadji Murad about the precedents and admissibility of the reburial of Muslims, in particular, in the Imamate. A number of speculations that have been circulating among local authors related to the burial of the imam are subjected to critical revision: that imam Gazimuhhammad was transferred from the village of Gimry for burial in the city of Tarki (Ukrainian: Burnaya) at the insistence of Said of Arakan (in order to avoid veneration of his grave); about the fact that the body of the deceased, before it was buried, had been humiliated, dissected in some way (salted and dried); that after the burial, the traces of the Imam's grave were deliberately erased and its location remained unknown, but was guarded by soldiers. Local authors name different individuals who took the initiative to rebury the body of Imam Gazimuhhammad in 1843, but all sources are unanimous in their assertion that the reburial took place under the control of Imam Shamil and by his order. The author of the well-known image of the half-naked body of the deceased Imam was a participant of the storming of Gimry P.A. Bestuzhev-Ryumin. The fact that the author made the image of the body of the real Imam is seriously questionable. The posture of the murdered Imam captured by the author ("with one hand he held his beard, and with the other he pointed to the sky"), which in Russian sources seemed sacred to Muslims and did not avoid conspiracy theories, does not stand up to criticism. It was possible to identify a resident of the village of Kyakhulay "Haji Atak b. Giraykhan al-Kahuliy", Asadula Gereykhanov (born 1872), who erected a monument on the site of the former grave of Imam Gazimuhhammad.

Keywords: Caucasian War; Imam Gazimuhhammad; Gimry; burial of the imam; Imamate; Imam Shamil; Tarki; cenotaph; mausoleum of Imam Gazimuhhammad.

Имам Газимухаммад был убит 17 октября 1832 г. во время штурма русскими войсками селения Гимры, в котором последний укрепился. О гибели имама участник штурма Гимры генерал-майор В.Д. Вольховский в рапорте от 19 октября 1832 г. писал: «17-го числа взят штурмом гимринский дефиле, укрепленный со всех сторон завалами. ... более 200 тел неприятельских остались на месте; между убитыми узнаны Кази-Мулла и главные его общники; с нашей стороны убито и ранено около 300 человек. На другой день деревня Гимры занята без выстрела» [1, с. 151]. Без выстрела – потому что в сел. Гимры с 15 октября никого из жителей уже не оставалось, они покинули селение до начала военных действий [1, с. 154–155]. 18 октября, на следующий день после взятия «гимринского дефиле» (укрепленной стены в гимринском ущелье), в русский лагерь в сел. Гимры явились гимринские старшины, 19-го октября – койсубулинские старшины, 20-го октября – кадий Акушинский и Араканский.

По хронике Мухаммада-Тахира аль-Карахи, после взятия Гимры «русские искали труп павшего за веру Гази Мухаммеда», на тело погибшего имама указали «отступники-гимринцы» [2, с. 56]. Затем, писал Карахи, «известный ученый Сайд ал-Харакани приказал русским не оставлять трупа для захоронения в гимринской земле, доказывая им, что если они похоронят его в Гимрах, то мюриды будут посещать его могилу, собираться и приводить в движение междуособицы и пороки» [2, с. 57]. «Его слова подействовали на русских», – продолжал Карахи, тело Газимухаммада повезли в Тарки, где его «высушили и сохраняли некоторое время, приставив к нему сторожей, а затем похоронили» [2, с. 56–57]. Зловещая и не совсем понятная фраза о «высушенном теле» под караулом, возможно, указывала на то, что тело преступника какое-то время было выставлено для устрашения. Когда же, по Карахи, «наступило время государства Шамиля», и имам находился «в Казанищах около 23 дней» (речь идет о событиях осени 1843 г.), он «послал хаджи Кибида ал-Унцукулуви с товарищами для перенесения из Тарго останков павшего смертью праведника Гази Мухаммеда», потому что «Кибид знал место его погребения» [2, с. 167]. После того, как «они вырыли и перенесли останки в Гимры ...над его могилой Шамиль построил затем благословленный мавзолей...» [3, с. 36]. Другой современник, Абдурахман из Газикумуха, о перезахоронении останков имама передавал коротко: «Когда имамство перешло к Шамилю, он отправил Кебед-хаджиява из Унцукуля с двумя товарищами в селение Тарки, чтобы он раскопал могилу (Газимухаммеда) и перенес прах его в селение Гимры; прах был перенесен и погребен на кладбище селения Гимры» [4, с. 38]. В 1860-е годы он писал: «Сейчас его могила находится там, посещаемая людьми, которые получают благословление через него» [4, с. 38]. Мавзолей с тех пор дважды обновлялся – в 1965 г. и 1990 г. В 1866 г. здесь похоронили дочь имама Шамиля, Написат, жену Абдурахмана Газикумухского; чуть позже здесь была похоронена вдова имама Газимухаммада, Патимат (дата ее смерти не известна). Здесь же был предан земле алим Алил Абдуллах (1886–1967) [5; 6, с. 31].

По местным устным историям, собранным в свое время арабистом М.Г. Нурмагомедовым (сел. Аракань, 1904–1997), история с перезахоронением имама выглядела несколько иначе. После завершения сражения в гимринском ущелье, к месту гибели имама Газимухаммада, «Сангаралъухъ», пришел Саид Араканский (напомню, по русским источникам известно, что он явился в Гимры 20 октября [7, с. 561]). Саид подошел к телу погибшего имама, стал у его ног и обратился к покойному со словами: «Ох, мой сын, Газимухаммад, я же предупредил тебя, что все так и будет?» Потом добавил: «Заступись за нас в Судный день...». Заметил, что у покойного разбита губа, сломан передний зуб. Спросил: «Что случилось?» Охранявшие тела убитых отвечали, что здесь уже побывал некий «человек с равнины», который нанес удар по его лицу ногой со словами: «Приходи к нам теперь еще повоевать». Саид сказал: «То, что Газимухаммад отправится в рай, а тот таркинец в ад – неизбежно...» [8, с. 82–83]. Автор не согласен с предположением Карахи о недоброй роли Саида Араканского в истории с переносом тела имама в Тарки. М.Г. Нурмагомедов писал, что решение о захоронении имама в Тарки принадлежало русским. В его рассказе также нет «гимринцев-отступников», напротив, при опознании тела имама гимринцы указали на другое, которое и положили на носилки, чтобы вывезти. Но вмешался досадный случай: когда поднялись на Эрпелинские горы, отряд встретил гимринца Исинбулата, двоюродного брата гимринского старшины Даудилава, убитого совсем недавно (в марте 1831 г.) сторонниками Газимухаммада. Убийство Даудилава произошло тогда против воли Газимухаммада, убийца был казнен на том же на месте. Газимухаммад пытался это объяснить родственникам Даудилава, но семнадцать двоюродных братьев Даудилава не простили ему эту кровь [8, с. 82–83]. Исинбулат, узнав, что на носилках лежит тело его кровника, захотел на него взглянуть и, обнаружив подмену, потребовал вернуться назад, обещав указать на тело настоящего имама. Вернувшись, он сделал это – ткнув дулом оружия в рот покойного. Тело имама переложили на носилки и отряд, поднявшись по той же дороге, вскоре доставил его в Эрпели, здесь переложили на арбу и отвезли в Тарки [8, с. 86]. Точнее, доставили в русскую крепость Бурная, с 1821 г. расположенную над Тарками. Отзвуки той истории, когда «похоронный» отряд был вынужден вернуться в Гимры в поисках тела настоящего имама слышны в «Песне об убийстве имама Газимухаммада» («Имам Гъази МухАмад чІваялъул кечІ») аварского поэта Магомеда из Чиркея (1846–1926), в двух строках: «Генуб анкьги бахъун, инаралзаби // Имам валагъизе руссун рачІана» («Побыв неделю в Гимры, генералы // Вернулись назад, искать имама») [9, с. 27]. По мнению М.-Н. Ибрагимова, это произведение, «назму», принадлежало гимринскому алиму Мухамаднуру (1866–1931).

Далее, по М.Г. Нурмагомедову, в Тарки, на краю скалы, тело покойного предали некоей обработке, которой горцы обычно подвергают тушу животного для вяления на солнце («кбурул рагІалда ссу-ссун хамалага гъабун вакъвазе гъовги ванила»), оставили его там для «высушивания», выставив караул. А когда тело высохло, на том же месте оно было предано захоронению («вакъарав

мехаль гъагъабго бакІалда вукъанила»). Магомед из Чиркея в назму о гибели имама, возможно, под влиянием фразы Карахи о разделке тела покойного как туши для вяления, добавил в свое описание использование соли, необходимой при таком случае: «ЦІан шван, лугби къотІун, хамалаг гъабун // Хирияб къаркъала бакъвазабуна // ГІемерал къояца бакъвазеги тун // Вукъизе тана мун Таргъу ракъалда» [9, с. 27] («Засыпав солью, разрезали тело, разделав как тушу // Дорогое тело высушили // Оставив сушить на много дней // Оставили тебя хоронить в Тарки»). Любопытно и другое, что Магомед из Чиркея дополняет картину, вносит свой «штрих» и пишет о старинном способе доставке тел погибших из дальних мест: «МоцІгІадаб лага гъод бекун чода къан, къотІанин цебе бехе Таргъуялде...» («Тело, подобное луне, сломав позвонки, притачали к лошади, отправились в Тарки...» [9, с. 27]. Но, как известно по источникам, тело покойного доставляли в Тарки на носилках, затем на арбе. Гимринский краевед М.-Н. Ибрагимов информацию о подмене тела имама интерпретировал несколько иначе. Тела павших в Гимринском ущелье возле укрепления «Сангаралгъухъ» несколько дней лежали у места гибели, под охраной солдат. О том, что тела шахидов какое-то время не предавали земле, подтверждал местный автор Хайдарбек Геничутлинский (сел. Гиничутль, 1829–1883). Он писал: «После той битвы мученики за веру в течение восьми суток оставались на земле, в гимринском ущелье; ... затем, когда враги ушли из Гимры, мусульмане убрали тела шахидов» [10, с. 65]. По М.-Н. Ибрагимову, родственникам имама, вместе с гимринским старшим будуном мечети Мухамадали, пользуясь ночной темнотой удалось заменить тело имама, на которое указал Саид Араканский – на другое (или переставить?) [11, с. 28].

По воспоминаниям современника тех событий, «кавказца» Ф.Ф. Торнау, тогда же, во время пребывания русского отряда в сел. Гимры, с 18-го по 25-е октября была выполнена известная зарисовка убитого имама – поясной портрет полуобнаженного мужчины, который левой рукой держал себя за бороду, правую руку закинул вверх, выше головы, сжав в кулак¹. Торнау писал: «Наш отряд сходил в Гимры. Взятие этого селения и гибель убитого в нем Кази-Мегмета известны мне только из рассказов товарищей. ... Капитан Бестужев-Рюмин² срисовал мертвого Кази-Муллу; потом рисунок его был литографирован в чертежной тифлисского генерального штаба, где, полагаю, и теперь еще существуют несколько экземпляров» [13, с. 288]. Возможно, в свете выявленных обстоятельств, П.А. Бестужев-Рюмин в действительности зарисовал неизвестного, которого выдавали за имама. Словно отвечая на вопрос, почему тело на рисунке изображено полуобнаженным, Геничутлинский о шахидах в гимринском ущелье писал, что «вооружение и прочее было с них сорвано» [10, с. 65]. В горах таким образом традиционно поступали с телами убитых врагов

1 В 1927 г. этот рисунок был опубликован в книге «Хаджи-Мурат: Мемуары Гулла и Казанбай Хаджи-Мурат» с подписью «Кази-Мулла. Со старинной гравюры. Подлинник в дагестанском Музее» [12].

2 Бестужев Павел Александрович (1806–1846), младший из братьев Бестужевых, артиллерийский офицер; Торнау в том же тексте называет его поручиком.

(этот обычай хорошо прослеживается по местным хроникам и фольклору), напротив, не тронутое одеяние и оружие на теле убитого свидетельствовало о выражении уважения противника к погибшему [10, с. 44]. Но Карахи, который описал последние минуты жизни имама (несомненно, со слов Шамиля), не упоминал о том, что тот снимал с себя одежду перед тем, как выбежать на верную смерть из окруженного дома: «Газимухаммад многократно попросил у Аллаха прощения («астагфиру Аллах»), многократно воскликнул «Ля илаха илля-ллах, затем обнажил свою саблю и выпрыгнул наружу» [3, с. 34].

Несомненно, известная зарисовка полуобнаженного тела шахида прежде всего свидетельствовала о том, что погибшего раздели после смерти и, таким образом, оно не могло отражать его положение в момент гибели. Тем не менее, в 1841 г. К.К. Прушановский, состоявший при командире Отдельного Кавказского корпуса и назначенный в Дагестан «для исторических и всех прочих исследований, касающихся этого края» [14, с. 42–43] писал в своих «Исторических записках...», что «было найдено мертвое тело Кази-Муллы в таком положении, что он одною рукою держался за бороду, а другою указывал на небо». Далее, поясняя, писал несуразное: «Это то самое положение, в котором, мусульмане полагают, может быть только правоверный в минуту самых теплых молитв праведника, когда он духом своим возносится до постижения могущества Всевышнего. Мусульмане, увидев труп Кази-Муллы, начали каяться, что погрешили против своего главы, говоря: «Кази-Мулла был праведником при жизни и тем же остался после смерти; он святой; смотрите, он мертвый молится Богу; нам нужно жить, как он нас учил»» [15, с. 22]. Складывается впечатление, что этот фрагмент текста К.К. Прушановский писал по рисунку артиллерийского капитана Павла Бестужева, уже «литографированного в чертежной тифлисского генерального штаба» [13, с. 288]. К сожалению, этот сомнительный посмертный рисунок имама сослужил его памяти злую службу. В 1859 г., другой русский автор Савинов Н. интерпретировал его по-своему, приписывая необычное положение тела погибшего деятельности будущего имама Шамиля и его далеко идущим замыслам: «Шамилю приписывают весьма разумную уловку... Между грудью тел в башне нашли Кази-Муллу. Он лежал, откинув одну руку к востоку, другой взявшись за бороду. По мнению горцев такое положение знаменует его святость, а следовательно, и справедливость дел, им совершенных... Кто разумно взял за бороду Кази-Муллу? Кто положил руку на его остывшее сердце? ... Конечно же, Шамиль вам об этом не скажет...» [16, с. 1132].

В 1843 г. имам Газимухаммад был перезахоронен в сел. Гимры.

М. Нурмагомедов называл автором этой задумки Шахабаса из Караная, друга покойного имама, а исполнителями – самого Шахабаса и отряд добровольцев гимринцев. По его рассказу, Шахабас оказался свидетелем погребения тела имама: «Он увидел, где была вырыта яма для захоронения тела Газимухаммада. Когда яму сровняли с землей, на том месте сделали коновязь для лошадей. Само место охраняли 15 солдат. Шахабас отсчитал, сколько шагов от скалы до могилы имама и оставил метку». Далее, продолжал автор, «во времена имама

Шамяля» каранаец Шахабас пришел в Гимры и сказал гимринцам, что ему нужна помощь для того, чтобы выкрасть тело имама из Тарки и перевезти его в Гимры – тут же поднялись до восьмидесяти гимринцев. Шахабас сказал, достаточно пятнадцати человек – для помощи на месте, и пятнадцать – для их охраны и сопровождения. Таким образом из Гимры выступил отряд в тридцать человек. Ночью, тайком, со стороны Агач-аула они вступили в таркинский лес. В полночь, Шахабас с пятнадцатью гимринцами отправились раскапывать могилу. С собой у них были кирка и лопата, наготове мешок для останков и вьючная лошадь. От того места, где он много лет назад оставил памятный знак, Шахабас отсчитал шаги и стали копать. Нурмагомедов подчеркивал, что определение местонахождения могилы представляло затруднение и была возможность ошибиться, но нет, все совпало [8, с. 87–88]. Когда поклажу, мешок с останками, укрепили на лошади, проснулись солдаты, поднялась перестрелка. Но отряд с драгоценной ношей уже ушел в сторону леса и скрылся с глаз. На следующий день, к полудню, отряд достиг Караная. Здесь Шахабас попросил занести бесценную ношу к нему во двор и положили останки имама там ненадолго – чтобы благодать покойного снизошла на его дом. Поступили так, как он просил, затем поспешили в дальнейший в путь. На гимринской земле, в местности Бузнаб, уже шли с пением зикра. Когда отряд показался напротив гимринских садов, по ним вдруг раздались выстрелы. Это были тот самый Исинбулат со своим двоюродным братом. Исинбулата убили выстрелом в голову, затем ее отрубили, насадили на шест – и отряд двинулся дальше: впереди ехал всадник с головой Исинбулата на шесте, следом – лошадь с останками имама, за ними, с пением зикра, отряд гимринцев. Так отряд вошел в Гимры. Шест с головой Исинбулата водрузили возле бассейна («бетІер банила кьулГаялда тІад гІерги чІван» – «голова мунафика Исинбулата находилась там долго – каждый всадник, который проносился мимо, наносил по ней удар саблей» [8, с. 87–88].

М.-Н. Ибрагимов в своем рассказе о перезахоронении имама подтверждал, что место погребения тела имама у Тарки удалось определить благодаря Шахабасу из Караная. Но его рассказ немного отличается от рассказа предыдущего автора. По Ибрагимову, в 1843 г., когда имам Шамиль находился в Казанище, к нему явились его односельчане, гимринцы, вместе с каранайцем Шахабасом, который сообщил, что знает место погребения тела имама Газимухаммада. Тогда имам отправил в Тарки вместе с ним отряд в тридцать человек под командованием Кебеда-хаджи из Унцукуля. К ночи, прибыв на место, десять человек отправились с Шахабасом за телом, а Кебед-хаджи с остальными их охраняли [5, с. 70; 6, с. 30–31]. Автор подчеркивает, что Шахабас сразу и безошибочно определил место погребения имама. Мюриды быстро раскопали могилу, извлекли из нее останки, завернули их в ткань, укрепили ношу на лошади. В дальнейшем текст совпадает с рассказом М. Нурмагомедова, кроме эпизода с короткой остановкой в Каране, в доме Шахабаса – Ибрагимов о ней не упоминает. Уже на следующий день, после полудня, тело Газимухаммада, под пение зикра внесли в селение. Впереди следовали мюриды, которые на шесте несли

голову Исинбулата. В тот же день тело Газимухаммада с почетом было предано земле на гимринском кладбище (по предположению М.-Н. Ибрагимова, это событие произошло 15 декабря 1843 г.).

Таким образом, все сведения по захоронению тела имама Газимухаммада, известные по рассказам местных авторов разных лет, от М.-Т. ал-Карахи до М.-Н. Ибрагимова, заключались в том, что: 1) тело покойного было перевезено в Тарки для захоронения из опасений, что его могила в Гимры станет местом поклонения последователей; 2) в Тарки тело предали земле не сразу, оно было каким-то образом препарировано и какое-то время пребывало под солнцем, «высушивалось»; 3) «высушенное» тело захоронили «в Тарки»; 4) признаки места погребения были намеренно укрыты устройством рядом коновязи; 5) из горцев о точном месте погребения знали единицы, или один человек; 6) это место усиленно охранялось солдатами.

Однако вся эта подробная, но односторонняя картина распадается единственным, но убедительным сообщением из противоположного лагеря. Оно принадлежит современнику событий, П.П. Заблоцкому-Десятовскому, участнику двухгодичной экспедиции по изучению восточных берегов Каспийского моря (1836–1838 гг.). В январе 1836 г. он проездом посетил крепость Бурную, а спустя два года, по возвращении из экспедиции, опубликовал «Путевые записки из Астрахани, чрез Кизляр, в Баку, в 1835-1836 годах»³. В частности, упоминая о своем пребывании в кр. Бурная в январе 1836 г., писал: «Нам указали могилу *Казы-Муллы*» (курсив – П.Т.). Автор отмечал, что на первый взгляд внешне она была совершенно неприметной: «Если бы не собственное наше любопытство, то ничто не напомнило бы нам о месте, где лежит фанатик, разыгрывавший еще недавно кровавую драму на всем протяжении Восточного Закавказья» [17, с. 31]. Но П.П. Заблоцкий-Десятовский написал важное: «На могиле его лежит плоский четвероугольный камень» [17, с. 33]. То есть в январе 1836 г., за семь лет до того, как горцы выкрадут останки имама, могила его была отмечена мемориальной плитой. Он также писал о точном месте нахождения могилы и причинах того, почему тело не было предано погребению сразу после того, как его привезли в укрепление: «Когда отыскано было его тело между множеством трупов, генерал Вельяминов, зная, как велико было уважение мусульман [к имаму]..., и зная, как высоко ценится у них обряд погребения, объявил, что он тогда только позволит им совершить над ним сей обряд, и притом только в Бурной, когда они возвратят всех русских пленных; что в противном случае он отдаст тело ...на съедение свиньям. Угроза подействовала сильнее всякого оружия: пленные были выданы, и тело Муллы погребено близ взорванного им порохового магазина» [17, с. 33]. В этом сообщении особенно примечательна фраза о ген.-л. Вельяминове, который обещал, что будет дозволено совершить обряд погребения. Как уже упоминалось, 19-го октября 1832 г. в лагерь бар.

3 Возвратившись из экспедиции в Москву, он опубликовал два объемных научных труда: «Обозрение Тальшинского ханства в медико-топографическом и статистическом отношении» (1836) и «Путевые записки из Астрахани чрез Кизляр в Баку» (1836) [17, с. 31; 18, с. 261–266].

Розена прибыли койсубулинские старшины, от которых потребовали «выдачи аманатов и пленных... от всего Койсубулинского общества» [1, с. 163]. Старшины обещали. По всей видимости, к 25 октября, когда русский отряд покидал Гимры, еще не были выданы все пленные [7, с. 561]. Таким образом, в ожидании возвращения всех русских пленных, тело погибшего имама некоторое время находилось под охраной и, возможно, во избежание порчи оно было обработано солью (отсюда аналогия с разделкой туши для вяления). Затем тело было предано земле с погребальным обрядом – уже к началу 1836 г. могила была отмечена каменной плитой. Почти полвека спустя, военный историк П. Кублицкий писал: «27-го числа все войска, бывшие в экспедиции против Гимр, возвратились в Темир-Хан-Шуру. Доставленное сюда тело Кази-муллы было отправлено в крепость Бурную, где и предано земле с соблюдением всех мусульманских обрядов» [19, с. 124]. В 1839 г. крепость упразднили, и к 1843 г. здесь находился лазарет (госпиталь), выкопать тело буквально под носом у караульной службы, несомненно, представляло для горцев определённую опасность.

У крепости Бурная, на том месте, где похоронили имама, позже была установлена массивная памятная плита из местного камня (ракушечника), традиционной формы для могильных плит старого таркинского кладбища. О местонахождении памятника кавказовед Л.И. Лавров в 1960-е гг. писал, что оно располагалось «выше селения, над обрывом горы и юго-восточнее развалин крепости Бурная», другой известный кавказовед В.И. Марковин в 1970-е г. внёс уточнение и писал, что тело имама было похоронено у въезда в крепость Бурная [20, с. 69]. Он также отмечал, что у памятника к тому времени уже было сбито его округлое навершие. По всей видимости, это произошло в 1950-е гг., так как на его рисунке «Могила имама Гази Магомеда в Тарках», выполненном в 1947 г., памятник еще цел. Тогда же Л.И. Лавров перевел надпись на могильной плите: «Памятник имаму, воину, мученику, который Гази-Мухаммад. Пришли неверные и он в сражении стал мучеником. А высек этот памятник Хаджжи Атак б. Гирайхан ал-Кахулий. 1248 г.х. / 1832 г.» [21, с. 97–98, 167]. В краткой надгробной эпитафии Газимухаммад прославлялся как «имам, воитель и мученик за веру» (ал-имам ал-гази аш-шахид), «погибший мучеником в сражении» (фи-л-марака исташхада) с «неверными» (ал-куффар). Памятник, уже как кенотаф⁴, поставил житель близлежащего селения Кяхулай Асадула Герейханов (1872 г.р.), более известный по имени Атак-хаджи (его могила известна на старом кяхулайском кладбище⁵), один из видных участников общественно-политических событий 1917–1920-х гг. Точное время установления памятника определить не удалось.

В настоящее время памятник-кенотаф находится на том же месте.

4 Кенотаф – намогильный памятник, находящийся там, где не содержатся останки покойного; обозначение символической могилы.

5 Информатор Мусалитдин Агалаев, сел. Тарки, 2020 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Материалы к истории покорения Восточного Кавказа и борьбы с мюридизмом // Кавказский сборник. Т. 32. 1912.
2. Хроника Мухаммеда ал-Карахи о дагестанских войнах в период Шамиля (пер. Барабанов А.М.). М. АН СССР. 1941.
3. *Мухаммед-Тахир аль-Карахи*. Блеск дагестанских сабель в некоторых шамилевских битвах. / (перевод Айтберова Т. М.) Махачкала, 1990. Ч. 1.
4. Абдурахман из Газикумуха. Книга воспоминаний саййида Абдурахмана, сына устада шейха тариката Джамалуддина ал-Хусайни о делах жителей Дагестана и Чечни. / Пер. с арабского М.-С. Саидова. Ред. перевода, подготовка факсимильного издания, коммент., указатели А. Р. Шихсаидова, Х. А. Омарова. Махачкала, 1997.
5. *АхИмадил МухИмаднaби*. Генуб (тари-хазул нугИзал). (авар.яз.). Махачкала, 1997.
6. *Ибрагимов М.А.* Гимры. Свидетели истории. Махачкала, 1997.
7. Рапорт ген.-л. Вельяминова бар. Розену, 21 октября 1832 г., лагерь при с. Гимры // АКАК, Т.8., С. 561.
8. *Нурмагомедов М.* Имам Газимухаммад (авар.яз.). Махачкала, 1992.
9. *Хайбулаев С.М.* Поэзия газавата (аварский язык). Махачкала, 1997.
10. *Геничутлинский Х.* Историко-биографические и исторические очерки / Пер. с араб. Т.М. Айтберова, под ред. М.Р. Мугумаева; коммент. и общая ред. В.Г. Гаджиева. — Махачкала, 1992.
11. *Ибрагимов М.-Н. Генуб*. Махачкала, 1997.
12. Хаджи-Мурат: Мемуары Гулла и Казанбай Хаджи-Мурат. Запись Гамзата Ясулова; предисл. А.А. Тахо-Годи. Под ред. Багадура Маллачи-Хана. Махачкала: Дагестанск. науч.-исследоват. инст-т, 1927.
13. *Торнау Ф.Ф.* Воспоминания русского офицера. М., 2002.
14. *Покровский Н.И.* Кавказские войны и имамат Шамиля. М.: РОССПЭН, 2000.
15. Выписка из путевого журнала генерального штаба штабс-капитана Прушановского. Историческая записка о начале и развитии духовной войны (или превратного тариката) учения о нравственном элементе

REFERENCES

1. Materials on the history of the conquest of the Eastern Caucasus and the fight against muridism [*Materialy k istorii pokoreniya Vostochnogo Kavkaza i borby s myuridizmom*]. *Caucasian collection*. Vol. 32. 1912.
2. Chronicle of Mohammed al-Karahi about the Dagestan wars in the period of Shamil [*Hronika Muhammeda al-Karahi o dagestanskih voynah v period Shamilya*]. Barabanov A.M. (transl.). Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 1941.
3. Muhammad-Tahir al-Karahi. Shine of Dagestan sabers in some of Shamils battles [*Muhammed-Tahir al-Karahi. Blesk dagestanskih sabel v nekotoryh shamilevskih bitvah*]. Part 1. Aitberov T. M. (transl.). Makhachkala, 1990.
4. Abdurahman from Gazikumukh. The book of memoirs of Sayyid Abdurakhman, the son of the ustad sheikh of the tariqat Jamaluddin al-Husayni, about the affairs of the inhabitants of Dagestan and Chechnya [*Abdurahman iz Gazikumuha. Kniga vospominaniy sayyida Abdurahmana, syna ustada sheyha tarikata Dzhamaluddina al-Husayni o delah zhiteley Dagestana i Chechni*]. Makhachkala, 1997.
5. Ahmadil Muhamadnabi. Genub (tarihazul nugIzal). Makhachkala, 1997. (in Avar).
6. Ibragimov MA. *Gimry. Witnesses of history* [*Gimry. Svideteli istorii*]. Makhachkala, 1997.
7. Report of General Velyaminov to Baron Rosen, October 21, 1832, camp at the village of Gimry. *AKAK*, Vol. 8., p. 561.
8. Nurmagomedov M. *Imam Gazimuhammad*. Makhachkala, 1992. (in Avar).
9. Khaibulaev SM. *Gazavat poetry* [*Poeziya gazavata*]. Makhachkala, 1997. (in Avar).
10. Genichutlinsky H. Historical and biographical essays [*Istoriko-biograficheskie i istoricheskie ocherki*]. T.M. Aitberov (transl.), M.R. Mugumaev (ed.), V.G. Gadzhiev (comm., ed.). Makhachkala, 1992.
11. Ibragimov M-N. *Genub*. Makhachkala, 1997.
12. Hadji Murad: Memoirs of Gull and Kazanbai Hadji Murad [*Memuary Gulla i Kazanbay Hadzhi-Murat*]. Recorded by Gamzat Yasulov; foreword by A.A. Taho-Godi. Bahadur Mallachi Khan (ed.). Makhachkala: Dagestan scientific research institute, 1927.

человека в Дагестане // Кавказский сборник, Т. 23. Тифлис, 1902.

16. Савинов Н. Шамиль – мюрид. Шамиль – имам. // Сын Отечества, 11 октября, 1859 г., №41.

17. Заблоцкий-Десятовский П.П. Путевые записки из Астрахани, чрез Кизляр, в Баку, в 1835-1836 годах // Журнал министерства внутренних дел, № 7. 1838, С. 31

18. Косачев И.Д., Ивануса С.Я., Зубарев П.Н., Божченко А.П., Толмачев И.А., Шведюк В.В. П.П. Заблоцкий-Десятовский – крупный отечественный хирург, педагог, ученый (к 200-летию со дня рождения) // Вестник российской военно-медицинской академии 2(46). 2014. С. 261–266

19. Кублицкий П. Война на Восточном Кавказе с 1824 по 1834 г. в связи с мюридизмом // Кавказский сборник, Т. 20. 1899.

20. Марковин В. Дорогами и тропами Дагестана. – 3 изд. Махачкала: Издательский дом «Дагестан», 2015.

21. Лавров Л.И. Эпиграфические памятники Северного Кавказа XVIII – XX вв. Ч. II, 2. М.: Наука, 1968.

13. Tornau FF. *Memoirs of a Russian officer [Vospominaniya russkogo oficera]*. Moscow, 2002.

14. Pokrovsky NI. *Caucasian wars and Shamil's imamate [Kavkazskie voyny i imamat SHamilya]*. Moscow: ROSSPEN, 2000.

15. Extract from the travel journal of the General Staff of Staff Captain Prushanovsky. Historical note on the beginning and development of the spiritual war (or perverse tariqah) of the doctrine of the moral element of man in Dagestan [*Vypiska iz putevogo zhurnala generalnogo shtaba shtabs-kapitana Prushanovskogo. Istoricheskaya zapiska o nachale i razvitii duhovnoy voyny (ili prevratnogo tarikata) ucheniya o npravstvennom elemente cheloveka v Dagestane*]. *Caucasian collection*, Vol. 23. Tiflis, 1902.

16. Savinov N. Shamil – murid. Shamil – Imam. [*SHamil – myurid. SHamil – imam. Syn Otechestva*]. *Son of the Fatherland*, 1859, 41.

17. Zablotsky-Desyatovsky P.P. Travel notes from Astrakhan, through Kizlyar, to Baku, in 1835-1836 [*Putevye zapiski iz Astrahani, chrez Kizlyar, v Baku, v 1835-1836 godah // Zhurnal ministerstva vnutrennih del*]. *Journal of the Ministry of Internal Affairs*. 1838, 7: 31.

18. Kosachev ID, Ivanusa SYa, Zubarev PN, Bozhchenko AP, Tolmachev IA, Shvedyuk VV. P.P. Zablotsky-Desyatovsky - a major domestic surgeon, teacher, scientist (on the occasion of the 200th anniversary of his birth) [*P.P. Zablotskiy-Desyatovskiy – krupnyy otechestvennyy hirurg, pedagog, uchenyy (k 200-letiyu so dnya rozhdeniya)*]. *Bulletin of the Russian Military Medical Academy*, 2014, 2(46): 261–266.

19. Kublitsky P. War in the Eastern Caucasus from 1824 to 1834 in connection with Muridism [*Voyna na Vostochnom Kavkaze s 1824 po 1834 g. v svyazi s myuridizmom*]. *Caucasian collection*, Vol. 20. 1899.

20. Markovin V. *Roads and paths of Dagestan [Dorogami i tropami Dagestana]*. Makhachkala: Dagestan Publishing House, 2015.

21. Lavrov LI. *Epigraphic monuments of the North Caucasus of the 18th – 20th centuries [Epigraficheskie pamyatniki Severnogo Kavkaza XVIII – XX vv.]*. Part II, 2. Moscow: Nauka, 1968.

Статья поступила в редакцию 15.05.2021 г.